

Анастасия Якушева

**РАДИУС
ОДИНОЧЕСТВА**

Анастасия Якушева

Радиус Одиночества

<https://litres.ru/73964709>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Олейников, лучший выпускник магистратуры и перспективный молодой инженер, получает назначение на «Кольцо Нептуна» — гигантский ускоритель частиц на краю Солнечной системы. Такой контракт мог бы стать карьерным прорывом. Но есть нюанс: Максим панически боится открытого космоса.

И теперь его удел — гидропонные фермы, где нет иллюминаторов и можно спрятаться от бездны. Но когда отказ оборудования ставит под угрозу всю станцию, Максиму предстоит выбрать: навсегда остаться специалистом по обслуживанию или, преодолев главный страх, совершить первый выход в пустоту. И понять, что «Кольцо Нептуна» — это не ссылка, а настоящая точка отправления в большое будущее.

Содержание

Глава 1. Назначение	4
Глава 2. Прибытие	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анастасия Якушева

Радиус Одиночества

Глава 1. Назначение

Самолет мягко коснулся посадочной полосы. Турбины переключились на реверсивную тягу и заревели, гася скорость. Пятиточечные ремни вдавились в плечи, и несколько секунд инерция толкала в спину, а потом — тишина.

Максим выглянул в иллюминатор: край океанической платформы зиял пустотой метрах в двухстах, отделенный лишь стальной сеткой. Наверняка усиленной углеродными нитями, но на вид невесомой, словно ничего не отделяло их от пугающего простора Тихого океана и прозрачной линии горизонта.

Спецборт, доставлявший персонал и грузы АО «Заслон», свернул, освобождая взлетно-посадочную полосу. Океан сместился в сторону, и взгляду открылась перспектива плавающего города. На первой линии стояли одноэтажные кубики терминала с большими вывесками на русском, английском и китайском:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСТРОПОРТ «ВЕРТИКАЛЬ»

Вид из иллюминатора снова сместился, и Максим неволь-

но задержал дыхание. Над зданиями, чуть расплываясь в мареве раскаленного воздуха, появился контур астропорта — высокий зеркальный цилиндр, из которого, отблескивая, прямо в небеса тянулись струны тросов.

Внезапно из цилиндра взмыла капсула и скрылась за краем иллюминатора.

Самолет остановился. Дверь разгерметизировали. Внутри ворвался поток горячего воздуха и шума. Максим поднялся и вместе с другими пассажирами двинулся по проходу. Чем ближе он подходил к овальной двери, тем громче стучало в голове: «Еще не поздно отказаться, еще можно вернуться. С геостационарной орбиты пути обратно не будет».

Ладони начали потеть.

Может, он вернет грант на обучение, полученный от Заслона?

Максим пригнулся и вышел. Горячий, пахнущий йодом и разогретыми композитами воздух ударил в лицо. Солнечный свет больно резанул по глазам. Поручни обожгли ладони. Он обернулся и нашел взглядом струны тросов: блестящие нити протыкали пространство и уходили вертикально вверх, теряясь в густой синеве и вызывая приступы головокружения.

Вспомнился день, когда он попал в программу магистратуры. Тогда семилетняя отработка казалась идеальным стартом карьеры, а станция у пояса Койпера была лишь чертежами, расчетами и оптимистичными статьями в научных журналах. И вот пять лет спустя в отделе кадров сказали: «По-

здравляем, вы получили назначение на орбиту Нептуна».

Максим проследовал на пункт контроля: предъявил бумаги, ответил на вопросы, просканировал багаж и сел в беспилотный состав, который по эстакаде маглев-системы прибыл к астропорту. А в голове все вертелись недавние споры с родителями. Они предлагали возместить обучение и отказаться от назначения, но Максим не послушал — испугался, что после такого безответственного шага о хорошей карьере можно забыть. И теперь именно эта станция стала его новой реальностью — идеальным воплощением страха открытых пространств.

В зале ожидания он разместился в стороне от людских потоков и продолжал прокручивать аргументы, временами сомневаясь, а правильно ли поступил, и отсчитывая минуты до посадки на рейс, который поднимет его на тридцать шесть тысяч километров, к космопорту.

От этой цифры живот завязывался узлом.

Когда посадку, наконец, объявили, Максим занял свое место и невидящим взглядом уставился в иллюминатор. Капсула тронулась. Без рывка, без гула двигателей — только внезапное ощущение тяжести, которое придавило к креслу. Уши заложило. Океаническая платформа понеслась вниз. Голубая гладь океана бесконечно ширилась, пока не выгнулась полусферой, а потом замкнулась в шар и поплыла от окна. Максим почему-то вспомнил мамины герани, и стало невыносимо тоскливо.

Через некоторое время давление на грудь уменьшилось, а потом тело и вовсе приобрело непривычную легкость. Магнитные тапочки, которые раздали при входе, и ремни прочно удерживали его на месте, но волосы и свободные полы одежды — все, что было не закреплено, приподнялось и поплыло в случайном направлении, повинувшись малейшим завихрениям воздуха. А по прибытии на станцию космопорта Максим обнаружил, что передвигаться в невесомости чрезвычайно неудобно.

Он высоко поднимал ноги и болтался, как водоросль в приливе, пока шел по коридорам. Более сноровистые пассажиры с недовольством обгоняли его, создавая еще больше воздушных завихрений и вызывая неконтролируемые колебания тела. Но вот, наконец, он оказался в зале отлета и замер перед огромным панорамным окном. От вида висящей в пустоте планеты внутри все заledenело, и в то же время невозможно было отвести взгляд.

Сбоку на длинном причальном выносе были пристыкованы два межпланетных корабля. Термоядерные двигатели в носовой и хвостовой частях делали их похожими на гантели, а узкая блестящая талия с пассажирским блоком усиливала это ощущение.

Вот от одной из гантелей отстегнулся погрузочный хобот и втянулся в причал. Буксир отвел корабль на безопасное расстояние, и тот перешел на маневровые двигатели, корректируя траекторию мутными выбросами аргона. Он постепен-

но уменьшался, отдаляясь от станции. В носовой части появилось бледное голубое сияние — заработал генератор магнитного поля, раскидывающий заряженные частицы в стороны от вектора движения. Сквозь это свечение изредка помигивали крошечные зеленые искры — лидарная система, которая высматривала впереди микрометеориты и мусор.

Максим с ностальгией вспомнил магистратуру и одного из сотрудников Заслона, который как раз занимался разработкой этих систем. Тот страшно гордился, что его прототип взяли в серийное производство, и долго зазывал Максима выбрать именно эту специализацию, но Максим выбрал космическое приборостроение и автоматизацию производственных процессов...

Эх, знал бы заранее, к чему это приведет, занялся бы лидами.

Корабль тем временем отделился на достаточное расстояние, и от кормы ударил ослепительный плазменный выброс. Умное окно включило затемнение, но даже сквозь него Максим увидел, как точка корабля скользнула в сторону, оставляя после себя тускнеющий раскаленный росчерк.

Он отвернулся. Планета за окном больше не напоминала дом. Отсюда не было видно семьи, друзей и коллег. Даже его города не было, только гладь океана и смазанные узоры облаков.

Приятный женский голос из динамика объявил посадку на рейс до «Кольца Нептуна». Максим кинул последний

взгляд в сторону Земли и поплелся дурацкой плавающей походкой к выходу на посадку.

Глава 2. Прибытие

Едва только включился разгонный двигатель, вернулась и сила тяжести. Перегрузка в 1,2 g ощущалась, но в целом было комфортно, и однозначно лучше, чем в невесомости. Максим почувствовал облегчение. В замкнутом модуле страх открытых пространств притупился, но осознание, что они заперты в нем посреди пустоты, вызывало приступы тревоги.

Следующие семь дней корабль будет поддерживать равномерное ускорение, создавая постоянное ощущение пола, ориентированное к корме. А потом разгонный двигатель отключится, середина гантели переориентируется полом к носу, и начнет работу тормозной двигатель, который будет замедлять их еще семь дней до самого прибытия на «Кольцо Нептуна».

А как оно будет там... на «Кольце»... Максим уже не знал, и даже не предполагал. Все известные ему переменные заканчивались на этом межпланетном корабле, а новые все еще оставались чертежами, расчетами и оптимистичными статьями в научных журналах.

Большинство пассажиров оказались физиками, которых направляли в преддверии запуска огромного ускорителя частиц радиусом 5 500 километров — проекта, ради которо-

го объединились десятки отечественных институтов и предприятий, инвестируя кадрами, технологиями и деньгами.

Максим читал о «Кольце Нептуна», но в разрезе своей специализации: как работают те или иные системы, какие технологии применяются, как устроена внутренняя логистика и снабжение. А физики обсуждали совершенно иные материи: для чего вообще вся эта космическая стройка затевалась и что в итоге даст стране и миру.

Так, он узнал, что гигантские размеры и положение позволят разгонять протоны до энергий, недостижимых на Земле. А это, в свою очередь, позволит получать антивещество в количествах, достаточных для практического использования и для изучения физики Вселенной. Кроме того, на базе ускорителя возвели несколько передовых научных станций, туристический комплекс и перевалочную базу для экспедиций в дальний космос.

Ни одна другая страна не могла похвастаться такой инфраструктурой, и потому ученые со всего мира уже бронировали места на несколько лет вперед.

С какой стороны ни посмотри, а контракт на «Кольцо» действительно был огромным карьерным достижением: как для ученого, так и для инженера. И попутчики с большим волнением обсуждали, как им повезло оказаться в составе первой миссии. Они были полны гордости и нетерпения.

Максим тоже был горд — и за свою страну, и за то, что его профессиональные навыки оценили настолько высоко,

чтобы направить на стратегический объект — но все-таки чувство жалости к себе было чуть сильнее. И потому он все больше отстранялся и погружался в уныние, не в силах разделить всеобщее воодушевление.

Единственным событием, нарушившим однообразие путешествия, оказалась переориентация пассажирского отсека и переход в режим торможения. Ровно через неделю после вылета разгонный двигатель отключился, и в отсеке на полчаса наступила невесомость. За это время центральная секция перевернулась полом к носовой части. Потом голос объявил о запуске тормозного двигателя, сила тяжести вернулась, и они продолжили путь без каких-либо изменений в ощущениях.

На подлете к «Кольцу Нептуна» термоядерные двигатели выключились, и корабль, погасивший почти всю скорость, перешел в дрейф, изредка корректируя траекторию короткими вспышками маневровых.

На экранах транслировался вид с внешних камер: бледно-голубой шар Нептуна, расчерченный метановыми облаками, звездное крошево и огромное восьмиспицевое колесо на краю длинной центральной оси.

Хотя с такого расстояния этого и не было видно, но Максим знал: конструкция не монолитна. То, что казалось единым ободом, на самом деле состояло из двух независимых частей: наружного стационарного кольца с ускорителем и

внутреннего вращающегося с жилыми и научными блоками. Кроме радиальных спиц жилые блоки между собой соединялись транспортными хордами поменьше.

Максим наблюдал приближение со смешанным чувством робости, гордости и страха. Казалось невозможным, чтобы объект, сравнимый с Венерой или даже Землей, мог быть рукотворным. Но «Кольцо Нептуна» вызывающе отчетливо висело на фоне планеты, давшей ему имя, и с каждой четвертью часа становилось все больше.

Спицы, издалека казавшиеся не толще велосипедных, с приближением превратились в массивные тоннели, внутри которых проходили транспортные артерии и энергетические магистрали, соединявшие центр с периферией.

Вскоре станция приблизилась настолько, что перестала помещаться в экран. Огромное колесо стало тремя четвертями. Потом половинкой. Потом четвертушкой, а потом и вовсе проскользнуло вниз, оставив ощущение чего-то невообразимо величественного. И на них стала надвигаться центральная ось с причалом на короткой стороне и реактором и станциями переработки астероидов на длинном выносе с другой.

После стыковки пассажиры прошли формальные процедуры и вышли в зал прилета — прозрачный пузырь, откуда прибывающим открывался уже реальный вид на планету.

Максим нацепил бейдж и вдруг застыл.

После двух недель в замкнутом пространстве простор обрушился на него, как бетонная плита. Огромная полусфера вызывающе выгибалась в космическую пустоту, и внутри нее переплетались пешеходные дорожки. Зрение вдруг расщепилось на сектора. Пустота за пузырем выгнулась внутрь. Дыхание застряло где-то в груди — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Максим вцепился в рюкзак до боли в пальцах и, если бы не невесомость, упал бы, но он только болтался в завихрениях воздуха и слушал, как чужие голоса тонут в нарастающем звоне...

Вдруг кто-то хлопнул его по спине. Паника на мгновение споткнулась и потеряла контроль. Максим вынырнул из омута и уперся взглядом в улыбчивую физиономию русоволосого парня своего возраста.

— Максим Олейников? — жизнерадостно спросил парень.

Максим судорожно кивнул, стараясь удерживать взгляд на лице неожиданного собеседника.

— Отлично! А я Леха. Как тебе вид?

Леха кивнул в сторону зала и сам же ответил:

— Впечатляет, согласен! У меня тоже в первый раз дар речи пропал. Сейчас уж привык, конечно, но все равно до мурашек пробирает.

Из зала прилета Леха отвел Максима в трансферную кабину, а затем — в поворотную муфту, от которой расходились магистрали к жилым блокам. На ближайшем перроне

стоял поезд необычной конфигурации: каждый ряд кресел располагался внутри цилиндра и имел по два выхода с обеих сторон. Максим неосознанно шагнул к поезду.

— Эй, это не наш! — Леха потянул в сторону, — нам во второй блок, следующая платформа.

Второй поезд выглядел точно так же — длинная колбаса, прорезанная пустотелыми цилиндрами, внутри которых были установлены сидения по четыре в ряд. Максиму стало любопытно. В закрытом пространстве страх притупился, и он с интересом разглядывал поезд. При посадке заметил, что сидения крепятся к направляющим, проложенным по окружности цилиндра. Хотел спросить у Лехи зачем, но не успел: голос из динамиков попросил зафиксировать ремни.

Двери закрылись, и кресла скользнули назад по направляющим, развернув пассажиров горизонтально: ногами к центральной оси. Максим испугался. Выронил бейдж, который мял в руках, и тот закувыркался в невесомости. Схватил обратно и прицепил на лацкан. Прозвучал сигнал, и поезд беззвучно тронулся. Сразу появилось ощущение низа — инерция при разгоне вдавила их в кресла, создавая чувство «пола» там, откуда поезд стартовал. Волосы упали на лицо, а одежда перестала плавать. Максим, не сдержавшись, вздохнул от облегчения.

— Не любишь невесомость? — хохотнул Леха.

— Получается так, — неуверенно улыбнулся он, — я раньше об этом не думал.

— Ничего, — беззаботно пожал плечами Леха, — здесь быстро привыкнешь. Я уже даже не замечаю.

Он глянул на несуразные магнитные тапочки Максима и весело фыркнул:

— Но только не в такой обуви!

Максим невольно поджал ноги.

— Ладно, сейчас приедем, отведу тебя на склад снабжения, — мгновенно переключился Леха, — выдадут нормальную обувь, и форму заодно закажем. А хочешь, потом покажу, где тут обедают?

Он доверительно подмигнул, и Максим почувствовал, что начинает уставать от этого дружелюбия. Стало немного стыдно, и он постарался изобразить радость и нетерпение.

Минут через пятнадцать голос из динамика предупредил о переходе в режим торможения. Разгон прекратился. Кресла скользнули вперед, и пассажиры оказались на противоположной стороне: ногами к внешнему радиусу кольца. Включилось торможение, и чувство низа вернулось — теперь по направлению от центра.

Максим почувствовал головокружение. Вестибулярный аппарат отказывался осознавать происходящее. К тому же давила, прижимая к креслу под странным углом, еще и сила Кориолиса, которую он не сразу распознал.

Еще через четверть часа поезд причалил к платформе. Сила тяжести никуда не делась, но боковая нагрузка исчезла. Максим гадал, как же они будут выходить из обновленной

конфигурации вагона.

Вторя его мыслям, голос из динамика разрешил отстегнуться. Двери по бокам цилиндра скользнули в стороны. И прямо у своих ног Максим увидел выход на лестницу. Ступени вели вниз, примыкая к каждому из цилиндров с креслами. Искусственная гравитация, создаваемая центробежной силой вращения кольца, давала направление силы тяжести от центра к внешнему радиусу, и пассажиры, выходя, попадали каждый на свой уровень и спускались на станцию прибытия. Просторную, но совершенно заурядную: светлые стены, вендинговые аппараты, кресла, прозрачные раздвижные турникеты и считыватели для карт в обе стороны.

Пассажиры прикладывали пропуска и спокойно выходили в длинный светлый коридор, откуда разбредались в боковые ответвления. Максим заметил парня, который расчехлил моноколесо и помчался, лавируя между пешеходами. Леха перехватил его взгляд и, как показалось Максиму, с излишней готовностью пояснил:

— Нам тоже такие выдают: расстояния огромные, а людей пока мало, надо везде успевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.